

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
МАРТ 2017 г. • № 3 (245)
ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ
Издается редакцией и Союзом писателей России

Пётр КРАСНОВ

ТЕРРИТОРИЯ – НА ВЫРОСТ

Беседовал Алексей Шорохов

Цикл “Национальная идея”

ей народов неискажённым (право-

– Уважаемый Пётр Николаевич, здравствуйте! Вопросы, которые я постараюсь задать вам в нашей новой рубрике “Национальная идея” будут простые, как воздух и вода. И уверен – столь же необходимые; без ответа на эти вопросы нация превращается в случайное сообщество экономически или географически объединённых людей.

Кто мы – русские? Ведь не у меня же одно, глядя на картины Константина Васильева или просто на заснеженные русские дали, появляется чувство, что всё это напрямую растёт из моего сердца? Как поле ржи в вашем романе “Заполье”...

Одни говорят, что нам десять тысяч лет, другие настаивают на тысячелетии собственно русского этноса (чётко выделившегося изобщеславянского и занявшего территорию современных России, Украины и Белоруссии). Третьи (по обе стороны самостийности) вообще утверждают, что говорить о русских можно не раньше, чем начиная с Ивана Калиты... – Дело в том, наверное, что мы искусственно пытаемся вписать в надуманные нами же временные рамки явление, которое имеет, в сущности, вневременной характер. А именно этногенез русских как непрерывный “акт творения”, уходящий во тьму тысячелетий или даже их десятков, мы самонадеянно делим на некие умозрительные отрезки: вот с такого-то момента он, видимо, стал собственно русским, а до этого... А что, за год или век до этого он был “никаким”, прежде чем стать “каким”? Неверно, некорректно поставленный вопрос и ответы даёт столь же сомнительные. И я бы сказал даже так: зряшный труд – ставить перед собой и другими вопросы, которые “вне компетенции” твоей, человек, а явно в ведении Вышнего. Все этносы одинаково древние по своим корням, разве что находятся на разных стадиях своего развития, но это уже постановка иной проблемы, это исторически развёрнутая судьба того или другого народа.

– Тогда следующий вопрос – кто такие сегодняшние русские? Насколько далеко мы ушли в XX веке от наших даже не отцов, но дедов? Как говорил Юрий Кузнецов: “когда мы бездну перешли”? Ведь, несмотря на всё (ТВ, интернет, пропаганду), генетики недавно подтвердили – свыше 80% современных “россиян” являются родственниками друг другу...

– И наиболее “чистыми” в генетическом отношении, добавлю, чем “человек непонятных кровей” Европы, по его же словам, где “вселенская смазь”, смещение народов работало куда интенсивнее и грязнее... Не думаю, что мы “далеко ушли” не только от своих дедов, но и от предков XII века – по тому судя, хотя бы, с каким внутренним изъявлением любви и тоски читаем мы “Слово о полку Игореве”... Русские переходили “бездну” во все смуты и нашествия не раз, испытываясь в них, и национальный дух этих преодолений всегда един что у Евпатия Коловрата, что у Александра Матросова, из одной с моим отцом землянки полевое Краснохолмского пехотного училища 1942 года, – самопожертвование “за други своя”, за Отечество. Как и в “горячих точках” бывшей страны Советов, за Россию воюя, подтверждали это множество раз. И в том наша родственность и преемственность с предками не менее достоверна, чем научная генетическая.

– У каждой исторической нации есть цель, сверхзадача её одушевляющая: у греков создание великой греческой (собственно, европейской) культуры, у древних римлян – создание на основе этой культуры великой цивилизации и распространение её на весь подвластный Риму мир, у армеев (византийцев) – просвещение потомков этой античной цивилизации и сопредельных

Что с русскими? Поразительно маленький народ (по слову Генри Киссинджера), по численности равный японцам или англичанам, удерживает самую большую в истории территорию. Зачем?

– Мы не “маленький”, мы – великий народ, сделавший то, что не смогли сделать все другие, даже “цивилизованные” народы, и не Киссинджеру бы это говорить, принадлежащему к действительно сверхмалому народу, а вернее к международной корпорации, которая имеет совершенно несоразмерное её численности значение и влияние в современном мире, “зоопарке без решётки”... и не зависть ли это, думается? Завидуют большому и, подчеркну, вышему в особенности, чего у корыстной корпорации в принципе быть не может, и момент такой зависти тут, я полагаю, есть. Держать за глотку мировые финансы лестно, конечно же, и сверхприбыльно; но что за душой-то – пустота, виртуальной “зеленью” набитая? Скандалные претензии, какие прикрывают злостное хищничество и ментальный паразитизм? Но, конечно, главное тут – синдром “железной леди” Тэтчер, российские территории-кладовые не дают им спокойно спать, тем паче что расширяться рыночной – и политической – экспансии Запада на маленькой Земле уже некуда.

Эта территория, разумеется, взята нашими предками на вырост, на возможность оплодотворять и облагораживать эти несметные земли, сделать их благоустроенным домом для наших народов, продолжить то, что на них уже сделано. И эта возможность, я убеждён, у России есть, несмотря на всю драматичность её истории, на все нынешние потери. Она не раз это доказывала, спасая в критические моменты народы и культуры, и никто, кроме Руси-России, не смог противостоять мировому по масштабам нашествиям татаро-монголов, европейским варварским ордам Наполеона, европейской же “коричневой чуме” как концентрированного выражения западного, расистского по сути, грабительского экспансионизма, – противостоять и победить.

Но есть и другое высшее предназначение русского народа, которое прозревали многие мыслители, заботники человечества и на Западе, и у нас, какое остаётся в силе и сейчас. Его в своё время выразил Пётр Яковлевич Чаадаев: “России выпала величественная задача осуществить раньше всех других стран все обетования христианства, ибо христианство осталось в ней не затронутым людскими страстями и земными интересами...”. Ему же принадлежит, кстати, никак не потерявшая сегодня своей актуальности формула: “социализм победит не потому, что он прав, а потому, что неправы его противники...”

Говоря о духовности русского народа, нужно сознавать, что она состоит не только в православном миро-всприятии. Верё, но и в связанной с нею приверженностью к Христовой правде-справедливости в её земном, человеческом измерении и понимании. Человек равен человеку, утверждала первохристианство, и несмотря на все последования извращения этого. Вышнего по-сылка, мечту об осуществлении великого равенства уже нельзя было изъять из самосознания человечества. История знает немало попыток добиться этого предукз-анного свыше равенства-справедливости, но не находилось народа даже из самых развитых наций, который сумел бы, смог решительно пойти до конца, чтобы взломать ненавистную мировую парадигму угнетения и насилия, попытаться изменить, сменить кричащую несправедность социального мироустройства на человечность, достойную разума и совести форму своего существования.

Речь здесь о русском, советском социализме, материальные и правовые плоды и ценности которого “созрели” по известным причинам только к началу 60-х годов.

(окончание на стр.3)

“Ангелом равную чистоту имущи, великомученица Наина с Ангелы Божественнаго озарения сподобилась еси, с ними же воспеваючи Трисвятую песнь, услыши нас, поющих тебе на земли сия...”

И мы все вместе с нашим мудрым президентом воспеваем великомученицу Наину, дожившую в муках великих до 85 лет.

Владимир БОНДАРЕНКО

Акафист великомученице Наине

вручить ей в Кремле на самом высоком уровне Орден Святой великомученицы Екатерины.

Может и впрямь великомученицу Наину пытали между колёсами, как пытали Екатерину?

Может, и впрямь Наина отсыпала на смерть и мучения десятки и сотни мудрецов и воинов, дабы они очистились в огне от всякой скверны плоти и духа, и обратились перед смертью в христианство?

Что святого сделала эта великомученица? Отказалась от злodeяний мужа, подобно святой Екатерине? Не будем влезать в её личную жизнь, пусть живёт хоть до 100 лет, но её делают есцью публичной политической персоной, прославляя вместе с ней и её великого грешника мужа.

Так какой же высокой духовно-нравственной позицией отличилась супруга Ельцина? Какое великое милосердие ей было продемонстрировано? Может, она пыталась остановить своего супруга от расстрела Дома Советов в 1993 году? Может, она протестовала против развала Советского Союза?

В официальном сообщении, в частности, говорится, что вдова первого президента России Наина Ельцина награждается за “большой вклад в реализацию общественно значимых гуманитарных программ” и активное участие в благотворительной деятельности.

По словам пресс-секретаря президента Дмитрия Пескова, решение о награждении Наины Ельциной было принято лично президентом. “Это было решение президента. Дело в том, что есть определённая государственная награда, она соответствует её роли и её заслугам. Большого не могу, к сожалению, сказать”, – сказал он журналистам. Российские власти “решили широко отметить 85-летие”

Наины Ельциной. В частности, в Кремле по инициативе главы государства Владимира Путина прошёл прием. Кроме того, государственные каналы подготовили к юбилею несколько фильмов.

Орден Святой великомученицы Екатерины и специальный знак отличия “За благодеяние” были введены президентом России Дмитрием Медведевым в мае 2012 года. Тогда он заявил, что эти государственные награды предназначены гражданам России и иностранным гражданам, которые внесли “большой вклад в миротворческую, благотворительную, гуманитарную деятельность”.

Ранее этот орден существовал в Российской империи с 1714 по 1917 год и вручался лицам дворянского происхождения, великим княгиням, представительницам царской семьи и других знатных фамилий...

Наина Ельцина (урожденная Анастасия Гирина) роди-

лась 14 марта 1932 года в селе Титовка Оренбургской области. Окончила строительный факультет Уральского политехнического института. В 1956 году вышла замуж за Бориса Ельцина. У них две дочери, Елена и Татьяна. Первый президент России Борис Ельцин, руководивший страной с 1991 по 1999 год, умер в 2007 году.

Святую Екатерину били по голому телу воловьими жилами в течение двух часов, затем морили голодом в темнице, но Бог исцелил её. Даже страшные орудия казни – колёса – развалились, когда мученица подошла к ним. Разъярённый мучитель повелел усечь непокорную мечом. 200 воинов вместе с мучеником Порфирием пострадали вместе с Екатериной.

Когда воин отсек честную главу Екатерины, то из раны вместо крови истекло молоко.

Может, и великомученица Наина истекает молоком?

Не ведёт ли это награждение новоявленной великомученицы Наины к явному прославлению разрушительного курса Бориса Ельцина?

Ей бы в монастыре каяться за все прегрешения своего мужа, а она ныне приравнена к царским фамилиям.

Куда приведёт Россию подобный Акафист мученице Наины? В лихие девяностые?

А пока что президент России Владимир Путин во вторник принял участие в приёме по случаю юбилея вдовы первого российского президента Наины Ельциной, который состоялся в Большом Кремлёвском дворце.

Приём проходил по инициативе президента, рассказала РИА Новости заместитель исполнительного директора Президентского центра Бориса Ельцина Людмила Телень.

Так что все наши власти, от Медведева до Путина, Делу Ельцина кланяются и верны!

Карельский прозаик Дмитрий Новиков на фоне родных северных пейзажей

О романе Дмитрия Новикова “Голомяное пламя”

Радуюсь вместе с читателем новому русскому литературному шедевр, роману петрозаводского писателя Дмитрия Новикова “Голомяное пламя”. Вообще сейчас пошли в рост новые большие русские национальные писатели: Захар Прилепин с “Обителью” и “Взводом”, Алексей Иванов с “Тоболом”, Михаил Тарковский с “Тойота-Крестом”, Дмитрий Новиков...

Могучая русская поросль. И все по большому счёту – почвенники, традиционалисты, накрепко повязанные с русской землёй и русской историей.

Вот и мой земляк из родного мне Петрозаводска Дмитрий Геннадиевич Новиков посвятил свой первый большой роман русскому Северу, северной природе, северным людям, северной истории. Читая роман, я вспоминал и собственную жизнь, походы по северным рекам, Белое море, поморских родственников.

На мой взгляд, главным героем романа “Голомяное пламя” является не тот или иной персонаж (которые все эпизодичны), а сам Север как таковой. Дмитрий Новиков пишет: “Кто не здоров – тот болен, не может быть в стране людей нормальных с невылеченной Севером душой. Мы – северные люди

Владимир БОНДАРЕНКО

“На Севере – русская душа...”

и, заслоняя глаз яркой, южной обманкой, не забывать стараемся – обёртка всё, под нею – пустота. На Севере русская душа, ей душно без него...”. Абсолютно согласен: люди Севера и сплут мир от гибели, они надёжны.

Писатель искренне наслаждается Севером, его манят даже сами названия деревень, рек и островов: “А берега да острова наши, – тут уж я тоже увлеклся азартом его, – Летний, Зимний, Карельский, Онежский, Терский. Серебрянка-остров, Пудинка, Парус-камень, Сковородный, Воддохлебиха...”

У семги шестнадцать имён, у ветра до десяти и больше, у снега двенадцать, у льда – десять, и так далее. Вся история России сосредоточена в памяти Севера. Не случайно и былины все русские на Севере записаны, песни древние, народные сказки.

При этом роман “Голомяное пламя” совсем не перегружен научными и краеведческими изысканиями, они равномерно распределены среди живых героев книги, вплетены в сюжет. Книгу просто вкусно читать, не столько сам сюжет увлекает, как радость и сладость от самой северной жизни.

Герои романа, Григорий и его друзья, путешествуют на байдарках по северным рекам и Белому морю, но это никак не заметки путешественников, не взгляд со стороны, ибо герои-то сами – коренные северяне древних поморских родов. И потому они способны описать сладость всех своих чувств от запаха свежести морской, рыбы морской, солнца морского северного.

Сам язык романа становится эпическим, словно новая “Одиссея” или карельская “Калевала”. Вот описывается сцена гибели поморов от приезжих молодцов, желявших ускоренным путем построить социализм: “Было чёрным Белое море. Строгим, траурным... Белели спины мужиков плывущих. Белели головы русые, русские. И загоровли, захлёбываясь, пулемёт с накрёпённой баржи. Веером ложилась на воду пули... Один за одним исчезали там северные люди, сталь русской земли. И словно рыбины, сверкнув на глубине безликой, исчезали в морской воде... Яркая, тонущая небесная радуга легла на голомя и уходила вместе с жизнью и надеждой, вслед за рыбьим племенем, ещё недавно бывшим людьми и от людского зла ушедшим...”

Погибшие поморы становились эпическими героями и оставались в памяти читателей романа навсегда. Автор и не скрывает свой северный патриотизм, откровенно гордится своей северной родиной, и откровенно же описывает и все трагедии, случившиеся здесь на протяжении веков.

“Север – край света. Край такой, где единственно возможны свободные мечты, где единственно неподвластен человек воле чужой. Будь то на море, в лесах, в тундре или на диких камнях – жизнь его, смерть его лишь от Бога да самого человека зависит, и нет никого между ними...”

Иные и вознегодуют, назовут писателя неким расистом, северным националистом. Но имеет талантливый писатель право на возвеличение своего родного края? Он же не отрицает другие русские просторы: “На юге тоже ясно – там земля русская, Великий Новгород да царство московское. Свой там народ, русский, а всё не такой, как мы. Без моря живут, воли не знают, все под хозяином каким, царь там да прислужники его. Тоже понятно. А вот на восток – сторона тёмная, неизвестная, интересная...”

Потому северными первопроходцами и освоён был восток, хотели поморы узнать край, где солнце встаёт: “ведь не помор ты, если далёкие земли тебя не манят, да опытным не станешь, когда северное дело во всех тонкостях не изучишь...”

Не случайно и то, что большинство писателей новой волны – не москвичи. Дмитрий Новиков осваивает и познаёт Север, Василий Авченко – Дальний Восток, Захар Прилепин – Нижний Новгород, Герман Садулаев – чеченец, они не замыкаются в столичной болтовне.

Конечно, я вижу несомненную близость Дмитрия Новикова и моего старого друга Владимира Личутина. Не знаю даже, читали ли они друг друга, но почва общая, корни из той же северной земли. Вот оба ни от кого и не зависят, оба ими владеют свободные северные мечты, неподвластные воле чужой.

Роман ли это в его каноническом, классическом виде? – Не похоже. Сюжет, как и у Личутина, явно не главенствует. Скорее, это можно было бы считать сборником новелл, проповедей, словарей, притч. Как считает критик Валерия Пустовая: “Его можно читать одновременно как исповедь, травелог и притчу...”. Но нигде не дётся от единения всего текста, от связи всех этих разделённых веками событий, встреч и воспоминаний с северным святым Варлаамом Керетским.

Есть в романе просто перепечатки с сохранением старой орфографии, с портала “Древнерусская литература”, из древних северных книг – “Поведание от чудесь преподобного Варлаама Керецкого чюдотворца”, есть его жизнеописание, но и в самых живых повествованиях о наших днях, о современных героях мы вновь и вновь встречаем ссылки на незримое влияние на все происходящие события северного святого. То герои добираются до Крестовых озёр, где находят заново отстроенную церковь и часовню, посвящённые преподобному Варлааму Керетскому, то само спасение изнеможенных путешественников от гибели происходит по его небесному благословению. Откуда взя-

лись силы простоять на краю? “Может, это ещё одно чудо, явленное преподобным Варлаамом Керетским. Потом, через годы, узналось, что дни поминовения его пришлось именно на это время”.

Герои в романе подобраны из разных времён, наш современник Григорий с товарищами-путешественниками соседствует с пареньком Колямбой из 30-х годов, который появляется и в наше время, напутствуя молодых бродяг, уже в виде древнего старика Саввина. Ещё одним героем является сам Варлаам Керетский, русский святой из шестнадцатого века.

Роман разбит на множество мелких главок, от одной до десяти страничек, и каждая из них читается как отдельный рассказ. Иные и были опубликованы как рассказы в предыдущей книге автора “В сетях твоих”. Сверстник Новикова, писатель Илья Кочергин в своей рецензии на роман так и назвал его “пакетом рассказов, подвергшихся сварке, а затем многократной перековке, – как дамаск”, но и он не отрицает, что в результате сварки у писателя получилось нечто цельное и единое, хоть и рассчитанное на медленное чтение.

Любители почитать сюжетные романы могут не браться за “Голомяное пламя”, всё равно не дочитают. Но тот, кто получает удо-

вольствие от хорошего текста, будет читать и перечитывать по несколько раз. К примеру:

“Нет ничего в мире красивее, чем берег Белого моря. Слово медленный сладкий яд вливается в душу любого, увидевшего это светло-белёное небо, эту прозрачную, как из родника, воду. Это серое каменное щелье, покорно подставляющее волнам своё пологое тело и благодарно принимающее лютую ласку воды. Эти громающие пляжи, усыпанные сплошь арешником – круглым камнем, который море катает беспрестанно, шутит с ним, играет, и в результате – не смолкаемый ни на минуту грохот, и думаешь невольно – ну и шутки у тебя, батюшко. Эти подводные царства, колышущийся рай, пронизанный солнцем, как светлый женский ситец – вевенным взглядом. Этот лёгкий ветер с запахом неземной, водной свежести и отваги, и каждый знает теперь, что такое свежест и отвага. Этот прятный шум соснового леса и удивляющий от берега трусливый бурый зверь, кyselно плескающийся жирным озгузом. Эта радость бескрайней дороги, свободного пути к жизни, к счастью, к смерти...”

Не случайно, все критики, пишущие о Новикове, любят его цитировать для собственного удовольствия. Но, понаслаждавшись художественной мощью романа, признают его печальный трагический настрой от ощущения гибели всего того, о чем пишет Дмитрий Новиков. Исчезли уже все старые деревни, все большие двухэтажные поморские дома, исчезли и сами поморы, рыбаки, исчезла и северная рыба, истребленная хищниками потребителями.

Роман Сенчин пишет: “Голомяное пламя” абсолютно почвенническое произведение. Правда, в отличие от почвенников прошлых поколений, автор видит лишь “останки” деревень: людей, живущих на почве и почвой, – это “виноград земли русской” можно пересчитать по пальцам. В реках и море почти не осталось благородной рыбы... То, о чем горевали писатели-деревенщики сорок-пятьдесят лет назад, что пытались спасти, кажется, погубило окончательно...”. Но заканчивая рецензию, не может уйти от наслаждения процитировать:

“Самцы к нересту пошатать начинали, ярко-красные, нарядные становились. За самочкой несколько их увевало. И блисьи они, дрались молодёжки, удаля свою и уважение этим выказываея. Она же выбирала одного и с ним начинала гнездо строить. Где-нибудь на перекате речном, где галька да песок на дне, да вода неглубокая, чтоб солнышко прогревало, нарют они холм большой, да туда она шкряпки и выметет.

Ещё когда стадо вверх по реке идёт, всю мелкую рыбу оно убивает, всех скользких до икры охотников. И не ест их, а деды говорили – “мнёт”, уьёт и выбрасывает. Самка после радости своей обратно в море скатывается, отъедаясь да следующего раза ждать. Самцов же часть икру остаётся охранять. Другие же тоже в море. Только наряд свой теряют тогда, худеют страшно – скелетина с большой головой. Вальчаки они тогда называются”.

Может, такая проза поможет возрождению нашего Севера? Здесь и мощная северная природа, и трагедия русского народа, всё неразрывно друг с другом: “белое и чёрное, пьянство и честность, неистовость и покой. Здесь главная русская свобода, обещанием свободы поправная”.

Что заставило писателя, признанного природным рассказчиком, мастером короткого рассказа, обратиться к большой прозе? Писался роман долгих семь лет, потому и читаться за один день не будет, другой язык, другое замедленное мышление. Как рассказывает сам автор: “Знаете,azole Петрозаводска есть такой остров – Голомяной. Этот остров расположен там, где заканчивается Петрозаводская губа и начинается простор большого Онежского озера. Голомяной – это открытый. В случае с островом – начинается открытая вода. А в названии романа речь идёт об открытом пламени, радуге над Белым морем и пламени в душе человеческой, с которым так или иначе связана та история, которая рассказывается в тексте. Любопытно, что в московском издательстве хотели поменять название, искали другой вариант, но так и остановились на этом – наши предки умели давать очень четко имена многим явлениям, и очень жаль, что мы сейчас забыли тот язык. В моём романе 3 временных эпохи и 3 языковых пласта – начало 16-го века, начало-середина 20-го и, наконец, наше время. Язык же – старорусский, наша знаменитая поморская “говоря”, и, конечно, современный русский язык.

Среди героев есть и реальные исторические лица. Например, святой Варлаам Керетский и русский этнограф, помор и исследователь Иван Дуров, создатель уникального “Словаря живого поморского языка”, который был арестован и расстрелян в 1938 году, найдя свое последнее пристанище в Сандармохе. Формулировка в деле была примерно такой: “уделяет слишком много внимания старице, не обращая взора на реальные достижения советской власти”. В то же время я хотел бы подчеркнуть, что это не исторический роман. Это, скорее, роман о том, что такое северный русский дух, о нашем северном менталитете, который, несмотря на все лишения, гонения, войны, нашествия, на всю нашу перепаканную историю, сохраняется и хранит наш Север.

(окончание на стр.3)